

Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования

Продолжая традицию обсуждения методологических проблем регионоведения, осенью 2020 г. редакция журнала инициировала проведение круглого стола, посвященного некоторым аспектам теоретической, эмпирической и практической работы с таким сложным, многомерным объектом нашей науки как регион. Мы предложили дальневосточным исследователям, представителям разных дисциплин, в заочной форме кратко высказаться по сформулированным редакцией общим вопросам. Представляем вниманию читателей первые ответы участников круглого стола, к обсуждению обширного проблемного поля которого в дальнейшем мы надеемся вернуться вновь.

1) Какие подходы и теории вы считаете наиболее актуальными и перспективными для региональных исследований?

Бляхер Л.Е.: Термин "регион" предельно многозначен. Он активно используется в географии, политологии, экономике, антропологии, социологии и смежных науках. В силу этого попытка выработать универсальное определение концепта (сущностное, философское) представляется избыточной. Поэтому, говоря о подходах и теориях, необходимо прежде всего определить, в рамках какой дисциплины мы собираемся осуществлять изучение данного объекта. В противном случае мы будем иметь не столько факт, сколько артефакт, искусственно сконструированный объект со слабо фальсифицируемым (в смысле процедуры фальсификации К. Поппера) содержанием. Для тех исследовательских задач, которые я стараюсь решить в своих студиях, актуальны два дисциплинарных взгляда, в целом тесно связанные друг с другом. Во-первых, социологический взгляд, исходящий из традиции интеракционизма (А. Шюц). Регион – это ограниченная территория, внутри которой присутствует некоторое представление о единстве населяющего его сообщества (дальневосточники, сибиряки, уральцы и т.д.), а коммуникация осуществляется проще и интенсивнее, чем за границами региона. В этом плане социологическая интерпретация концепта (предложенный вариант не является единственно возможным) тесно связана с политологической, хотя и не совпадает с ней. С политологической точки зрения содержание концепта "регион" совпадает с делением страны на крупные административные образования (штаты, земли, губернии и т.д.). В принципе, административные границы в своей природе гораздо более случайны, чем социальные или природно-географические. Однако сам факт их наличия начинает влиять на тип и характер расселения ("региональные" границы, как правило, менее заселены), на плотность

© Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф., 2020

БЛЯХЕР Леонид Ефимович, д-р филос. наук, заведующий кафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета (*г. Хабаровск*). **E-mail:** Leonid743342@mail.ru

ДЕМЬЯНЕНКО Александр Николаевич, д-р геогр. наук, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (*г. Хабаровск*). **E-mail:** demyanenko@ecrin.ru.

КИРЕЕВ Антон Александрович, канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** antalkir@yandex.ru

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета (*г. Владивосток*). **E-mail:** kuznetsov.2012@mail.ru

ЯРУЛИН Илдус Файзрахманович, д-р полит. наук, директор Института социально-политических технологий и коммуникаций Тихоокеанского государственного университета (*г. Хабаровск*). **E-mail:** iarulin@mail.ru

дорожной сети и т.д. Соответственно, постепенно возникают условия, когда внутри административных границ общение проще, чем за их пределами (см. А.Ф. Филиппов о границе и С.И. Каспэ об отношениях "центр-периферия"). Тем самым случайный артефакт (административная граница) становится фиксируемым научным фактом. При этом стоит четко осознавать, что процесс этот длительный. Мгновенное изменение административных границ не ведет автоматически к изменению социальных и пространственных характеристик изучаемого сообщества.

Демьяненко А.Н.: В настоящее время не приходится говорить о какой-либо теории или методологическом подходе, которые могли бы претендовать на универсальность даже в рамках отдельных дисциплин. Пространственный поворот (spatial turn) в социальных дисциплинах, как и "пространственная наука" в экономике (У. Айзарда), несомненно, стимулировали повсеместный интерес к региональным исследованиям. Это, в свою очередь, стимулировало, с одной стороны, появление новых теоретических концепций (теория полей П. Бурдьё, структуриации общества Э. Гидденса, мобильностей Д. Урри), а с другой – переосмысление классических теорий (экономического ландшафта или, иначе, экономического района, агломерационных эффектов, теории центральных мест, локационных теорий). Наконец, следует вспомнить, что и география человека (human geography) не осталась в стороне от вызова постмодерна, откликнувшись не только концепцией пространственно-временной географии Т. Хёгерстранда, но и новой городской географией (Д. Харви, Н. Трифт), а также концепцией вернакулярных районов. К этому следовало бы добавить теоретические построения А. Лефевра (производство пространства) и Ф. Перру (поляризованное развитие). Но, думаю, достаточно и перечисленных выше теорий для того, чтобы прийти к заключению, что поиски какой-то особо актуальной и особо перспективной, а тем более пригодной на все случаи жизни теории для региональных исследований – дело мало-перспективное. Скорее всего, степень актуальности и перспективности теорий и подходов определяется, с одной стороны, целями региональных исследований, а с другой – состоянием объекта исследований.

Киреев А.А.: Думаю, что наиболее актуальный для региональных исследований подход давно известен, но все еще не реализован, особенно на российском материале. Чаще всего этот подход именуют функционализмом. Его сердцевину составляет совокупность родственных по проблематике, но парадигмально очень разных (позитивистских, марксистских, структуралистских) центр-периферийных концепций – от классических (В. Кристаллера, Э. Шилза) до более поздних (теории "полюсов роста", "кластеров", "зависимости", "мир-системы" и др.). Концептуальная схема функционального взаимодействия центра и периферии – это эффективное средство объяснения общественно обусловленной неоднородности географического пространства, возникновения, развития и распада регионов. Анализ последствий точечных, в т.ч. политически мотивированных, "инъекций" ресурсов, проблем появления новых центров и новых периферий не менее важен для изучения дифференциации современного российского пространства, чем более востребованный на сегодня "ареальный" подход к районированию.

Ярулин И.Ф.: Одним из наиболее интересных представляется подход финского географа А. Пааси, который утверждает, что регионы должны рассматриваться как социальные конструкты, создаваемые посредством "исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и надеются значениями более или менее связанные материальные и символические миры". В таком качестве регионы могут быть определены, многократно интерпретированы, оспорены. Конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности – это социальный процесс. Устойчивость региональных границ, согласно А. Пааси, зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического положения региона).

2) Какие теоретико-методологические проблемы изучения регионов, с вашей точки зрения, требуют первоочередного внимания?

Бляхер Л.Е.: Одной из основных методологических проблем, вытекающих из сказанного выше, является проблема осознания полидисциплинарного и "зонтичного" характера концепта "регион". В чем состоит проблема? С одной стороны, термин "регион" – это именно вводимый с исследовательскими целями искусственный конструкт, объединяющий под собой, как под "зонтиком", качественно различные представления об объекте изучения. В этом плане, важнейшей методологической задачей в каждом конкретном исследовании выступает определение той дисциплинарной и методологической традиции, в рамках которой изучается регион. С другой стороны, сам факт нахождения этих традиций под одним "зонтиком" отнюдь не безобиден. Имеет место взаимовлияние не только методологических подходов, но и самих феноменов. Региональный дискурс начинает формироваться спецификой физического пространства (расселение, дорожная сеть, наличие поста ГИБДД "на выезде"), историческими компонентами, создающими ощущение единства (совместно прожитая история), социальными и политическими характеристиками. Четко определить формы и механизмы междисциплинарного взаимодействия, не утрачивая представления о различии – не менее значимая методологическая проблема.

Демьяненко А.Н.: Я не очень понимаю, что есть "теоретико-методологические проблемы". По моему разумению, есть проблемы теоретические, а есть методологические. Будучи экономистом-географом, я могу, насколько хватает моих сил, судить о таковых в экономике и географии. По большей части перечисленные выше теории могут быть полезны при исследовании пространственных социальных и экономических систем; проблема в том, что выявить, какие из них могут быть адекватными конкретным исследовательским задачам, непросто. И непросто еще и потому, что большинство этих теорий опирается на исследования пространственных систем, сложившихся в обществах, весьма непохожих на российское. Как тут не вспомнить тезис К. Полањи: "Нет общества, есть общества".

Что касается проблем методологических, то среди таковых, на мой взгляд, первостепенное значение приобретает поиск применения теории сложных систем, как, впрочем, и теории комплексности, в исследовании не только *проблем в регионах* (чем обычно занимается большинство исследователей-регионалистов), но и *проблем регионов* (что встречается много реже).

Киреев А.А.: В регионоведении сегодня существует проблема, которая одинаково остра и в теоретическом, и в прикладном плане. Это проблема мнимых или фиктивных регионов. Если регион был первоначально выделен как некий ареал, как пространственный континуум распространения определенного качества (например, лесная или степная зона), или как географическая рамка для решения ряда практических задач (федеральный округ), то насколько правомерно экстраполировать такой регион на качественно иные слои социально-географической реальности, наделять его универсальной объектностью или даже субъектностью? Для того чтобы регион не стал слишком эластичной метафорой и предметом бесконечной словесной игры (как это произошло с АТР), его научный и практический статус (тип) должен быть четко определен. Кроме того, необходима методика, позволяющая оценить меру реальной "толщины", многослойности конкретного региона, обоснованность его претензий на интегральную, универсальную общественную значимость. Такую методику, в частности, стоило бы применить к некоторым субъектам РФ.

Ярулин И.Ф.: К настоящему времени мы имеем все наслоения, вытекающие из разного понимания понятия "регион". Это видно и на понятийном уровне, когда мы не можем различить, о чем говорим, произнося слово "регион", и на уровне тех процессов, которые описываются в той или иной концепции регионов. Очень важный феномен, связанный с характеристикой регионов, – "плавающие границы". Можно сказать: "культурный регион", "экономический регион", "административно-политический регион" – все эти формулировки имеют право на существование. Мы определяем композицию региона по типу деятельности. Но когда мы начинаем проводить границы регионов, то замечаем, что культурные, экономические, технологические про-

странства не совпадают. Деятельностная характеристика регионов предполагает "плавающие границы".

3) Считаете ли вы возможным дать общее содержательное определение концепта "регион"? Каково отношение этого концепта к категории "пространство"?

Бляхер Л.Е.: Такое определение совершенно необходимо для каждой конкретной задачи. Без него полемика неизбежно сведется к бесконечному спору о словах с постоянной подменой содержания исследуемого феномена. Вместе с тем попытка дать единое и общее определение понятия "на все времена" представляется мне не только избыточной, но и вредной. Причина такого утверждения состоит в том, что в рамках каждой дисциплины образование понятия связано с процессом абстрагирования от каких-то несущественных в данном случае проявлений. В пространстве общего (для всех) концепта эти стороны явления неизбежно актуализируются. Соответственно, усложняется без необходимости и сам объем понятия, и его структура. И, что самое печальное, предельно усложняется процесс его исследования, способ формулирования задачи.

Демьяненко А.Н.: Скорее всего, общепринятого определения понятия "регион" нет, да и нет в этом потребности. Что же касается соотношения понятий "регион" и "пространство", то здесь все просто: регион – часть пространства. Другое дело, что очень часто в региональных исследованиях имеет место подмена понятий, когда регионы, выделенные по одним основаниям (например, единицы административно-территориального деления), используются в анализе экономики и иных пространственных проекций отдельных подсистем общества.

Киреев А.А.: В общем виде регион есть качественно специфическая часть пространства, логически следующий (видовой) уровень его деления. Мне кажется, что такой способ субординации категорий "пространство" и "регион" пригоден и для социальных, и для естественных наук. Куда сложнее построить единую таксономию пространственных единиц, нижележащих по отношению к "региону". Или, по крайней мере, сопоставить по масштабам (рангам) выделяемых пространственных единиц те таксономии, которые уже созданы в разных дисциплинах. Между тем в целях управления такое сопоставление крайне необходимо.

Кузнецов А.М.: Да, такое определение возможно, но только оно будет зависеть от реального состояния региона: является ли он сугубо административно-территориальным образованием или же в нем действительно существует взаимосвязанность отдельных его компонентов.

Ярулин И.Ф.: Понятие "регион" многозначно, не является универсальным, рассматривается и определяется авторами с разных точек зрения: географической, экономической, административно-территориальной, политической, социально-культурной и правовой. Свообразны исследования новосибирской социально-экономической школы, где регионом считается пространство – экономическое, культурное, ментальное и политико-административное. Сибирская школа определяла понятие регион как "условную общность людей, ощущающих принадлежность к данной общности".

Согласно точке зрения профессора Дортмундского университета Л. Рэмхельда, "регион" – это супертермин, включающий в себя ряд основополагающих признаков: определенную территорию, население, общность истории, природных условий, решаемых проблем. Все же остальное зависит от исследователя. Если он больше заинтересован в изучении экономических аспектов, то он будет тяготеть к рассмотрению региона через призму имеющихся там хозяйственных связей. Если же более важным представляется этнокультурное измерение, то регион анализируется с точки зрения той территории, на которой проживает определенная этническая группа. Возможно и комбинированное использование критериев, если сама задача носит комплексный характер.

4) Какое определение понятия "регион" вы используете в своих исследованиях? Является ли это определение внутридисциплинарным или наддисциплинарным (общенаучным)?

Бляхер Л.Е.: Выше я попытался дать одно из возможных (рабочих) определений региона. Как видно из этой попытки, определение это явно выражено внутридисциплинарное. Конечно, в ходе исследования ученый неизбежно будет обращаться к внешним факторам, которые так или иначе влияют на характеристики выделенного и определенного им феномена. Скажем, наличие горного ландшафта с затруднением общения с внешним миром неизбежно будет влиять на уровень автономности сообщества, которому мы приписали статус регионального. Представляется, что определение региона в рамках конкретной исследовательской задачи не только внутридисциплинарно, но и уникально, поскольку именно это сочетание внешних факторов возникает именно здесь. Другой вопрос, что такое определение необходимо для того, чтобы избежать упомянутого риска бесконечного спора о словах.

Демьяненко А.Н.: Обычно термин "регион", как и производные от него, я использую в том случае, когда нет необходимости или возможности определить, обладает ли исследуемый объект системными качествами или нет. Впрочем, нередко термин "регион" использую как синоним единицы административно-территориального деления.

Киреев А.А.: Поскольку я занимаюсь проблемами на стыке политологии, социологии и экономики, то стараюсь придерживаться следующего определения, которое считаю рамочным для этих дисциплин. Регион – это первопорядковая единица социально-географического (глобального или национального) пространства, обладающая качественными отличиями от внешней среды и внутренней связностью. Коллизия, однако, в том, что обычно соответствие определенной территории (административно-территориального образования) понятию "регион" приходится принимать априорно, на веру, следуя политико-правовым документам и научной традиции. Даже в региональных исследованиях конкретный регион как предзаданный объект изучения редко проблематизируется.

Кузнецов А.М.: Это понятие я практически не использую, либо ориентируюсь на сложившееся официальное описание, например, Дальневосточного федерального округа.

Ярулин И.Ф.: Существует социологическое определение: "Под регионом мы понимаем социологическую квалификацию той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления. Регион есть естественноисторическое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих там людей" (С. Барзилов, А. Чернышев).

5) Какими методами может быть выявлено существование региона? Как можно определить расположение его границ?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что в рамках тех задач, которые я стараюсь решать в отношении явлений, описываемых понятием "регион", ключевым критерием выступает наличие дискурса самоописания (регионального дискурса) в исследуемом сообществе. Географические, экономические и исторические особенности, а также факт наличия административных границ для выделения региона является в этом случае второстепенным. Он задает "потенциальный регион", то есть эта выделенная нами (или выделенная "стационарным бандитом" – государством) территория и населяющее ее сообщество может быть регионом. Но станет им только тогда, когда возникнет региональный дискурс, отличный от иного регионального дискурса, различающий агента в отношении "свой/чужой".

Демьяненко А.Н.: Методы могут быть самими различными, и их выбор определяется целями исследования. Так как по большей части я имею дело с пространственными экономическими и социальными системами, то всякий раз стараюсь придерживаться того принципа, согласно которому искать точ-

ных и однозначных границ такого рода систем, дело безнадежное уже в силу того, что границы этих систем не только отличаются высоким уровнем динамизма, но и проницаемостью.

Киреев А.А.: Выявить существование региона – значит идентифицировать его качественную определенность, целостность. Это можно сделать различно, имея в виду разную степень глубины анализа и неодинаковую зрелость самих регионов. Самый простой (и наименее надежный) вариант – зафиксировать пространственные пределы количественного диапазона регионнообразующих признаков (цен, верований, результатов голосования и т.п.). При этом границей региона будет место достижения количественными значениями заданных признаков порогового уровня. Другой способ – подтвердить тесноту связей между элементами региона, например, измерив корреляцию между экономическими и социальными параметрами относимых к нему поселений либо оценив статистическую сопряженность атрибутируемых данному региону потоков: товарных, транспортных, миграционных, информационных... Третий способ, пригодный для наиболее зрелых случаев, – обнаружить конституирующий регион замкнутый контур функциональных зависимостей, территориально обособленный цикл воспроизводства.

Кузнецов А.М.: Существование региона можно выявить системным подходом, который должен показать уровень организованности этого явления.

Ярулин И.Ф.: Американская исследовательница А. Маркузен определяет регион как синтетическое понятие, как компактное территориальное сообщество, которое исторически эволюционирует, обладает физическим содержанием, социоэкономической, политической и культурной средой, а также пространственной структурой, отличной от иных регионов и территориальных единиц. При таком подходе именно региональная идентичность рассматривается как своеобразный ключ к пониманию границ региона. Традиционно регион определялся как некое пространство, заключенное в определенные территориальные рамки, имеющие собственные границы. Без границы как без формы, посредством которой происходит различие или дифференциация, не может быть и того, что обретает себя и воспроизводит свою суть и форму благодаря границе. По словам Н. Лумана, "сохранение границ <...> является сохранением системы". Граница в таком контексте становится центральным моментом порождения региона и появления регионального сообщества.

Граница между регионами не обязательно является объективно очевидной, разделяемой всеми региональными субъектами, и часто вообще существует как "воображаемое" явление. Однако, по словам В.А. Тишкова, несмотря на то, что границы локальных пространств аморфны и пересекаются между собой, они все же существуют "в коллективном, групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются или закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами".

6) Считаете ли вы системность необходимым признаком региона?

Существуют ли эмпирические индикаторы, позволяющие зафиксировать системность изучаемого региона?

Бляхер Л.Е.: Системность в определении понятия "регион" необходима только в рамках философской исследовательской задачи (из области формальной логики). В рамках любой позитивной науки наличие системности будет предполагать сильнейшее насилие над материалом и усложнение исследовательской задачи без необходимости, в угоду "терминологическому пуританству".

Демьяненко А.Н.: Нет, не считаю. Что же касается вопроса об индикаторах, то таковые устанавливаются исходя из принятых в рамках конкретного исследования целей. Естественно, что цели исследования не берутся из воздуха, их постановка всегда предполагает, что исследователь развивает и/или усиливает объяснительные и прогностические возможности той или иной теоретической модели, либо ставит под сомнение таковые.

Киреев А.А.: Региональная система – это высшая форма бытия региона. Судя по всему, большинство номинальных регионов не отвечают требованиям системности. Это образования типа неструктурированных ареалов (агрегатов), либо типа констелляций, радиальных или сетевых структур, лишенных

саморегуляции и самореференции. Они могут достичь системного статуса, но такой исход не предопределен. Что касается эмпирических индикаторов системности региона, то самый наглядный из них – это длительная устойчивость данного социально-географического образования и особенно его способность к регенерации (самособиранию) после видимого распада. Однако доказательно утверждать о системности региона можно только после выявления механизма его функционирования и воспроизводства, будь то энергопроизводственный, политико-управленческий или иной цикл или же их комплекс.

Кузнецов А.М.: Как уже отмечалось, системность – это не главное состояние региона. Что же касается эмпирических индикаторов, то это самый сложный вопрос, который требует сопоставления характеристик значительного числа регионов с определением их фактического состояния. В итоге результат может совершенно не оправдать затраченных усилий.

7) Каков общий механизм связи региона с суб- и надрегиональными пространственными образованиями (системами)?

Как соотносится этот функциональный механизм с понятиями "адаптация", "интеграция" и "конфликт"?

Бляхер Л.Е.: Думается, единого механизма связи между суб- и надрегиональными образованиями не существует хотя бы потому, что речь идет о качественно различных феноменах. Особенно в том случае, когда объект исследования определяет себя в рамках социологии. Субрегиональные образования (местные сообщества) структурируются с помощью персональных, личных связей и контактов. Эта связь наиболее сильная, обладающая самым высоким уровнем межличностного доверия. Навязанная институциональная структура для таких образований часто бывает избыточной и даже смертельно опасной. Дискурса самоописания здесь может и не возникать. Он складывается естественно: все нормальные люди делают так, а те, кто делает иначе, или не нормальные, или не люди. При этом региональная идентичность сохраняется, но актуализируется только в ходе коммуникации с внешними участниками (другое локальное сообщество внутри региона, агент другого регионального сообщества). Иными словами, на уровне локального (субрегионального) сообщества работают антропологические процессы.

Региональное сообщество – первый уровень воображаемого сообщества. Именно поэтому в качестве ключевого индикатора я выделил наличие дискурса самоописания (социальной идентичности). В противном случае не очевидно, что речь идет о региональном сообществе. Такой дискурс и задает формы взаимодействия с субрегиональными образованиями. Локальные идентичности включаются в него, получая возможность расширить коммуникацию в пространстве, где межличностный уровень доверия неизбежно снижается.

В отличие от регионального уровня, где формирование регионального дискурса возможно посредством конструирования (управление), но происходит только тогда, когда это конструирование признается подлинным самим сообществом, надрегиональный уровень требует "силового оператора", власти. Он тоже "воображаемое сообщество", но поддерживается не только гуманитарными, но и силовыми инструментами. От того, гуманитарные или силовые инструменты преобладают в структуре власти ("общественное благо" или страх наказания), будет зависеть тип взаимодействия с регионом. Соответственно, если вернуться к "зонтичному" характеру термина, то на надрегиональном уровне ведущей дисциплиной оказывается политология, а ключевой проблемой – проблема власти.

Взаимодействие же между уровнями, как представляется, будет связано в варианте субрегиональных образований с со-бытием в едином смысловом пространстве, а в варианте надрегионального уровня с конфликтом между стремлением государственной (политической) власти к построению гомогенности и стремлению регионального сообщества к отстаиванию отличий. Уровень конфликта здесь связан со способностью центра власти согласиться с существованием автономного анклава и степенью сформированности регионального самосознания.

Демьяненко А.Н.: Если речь идет о сложных пространственных системах, то, скорее всего, мы имеем дело с мультиплексными отношениями, то есть многосторонними и многоуровневыми. В этом случае вместо подчинения

высшей инстанции "регионы" руководствуются определенными, всеми разделяемыми правилами игры (rule-oriented behavior), которые регулируют их реакцию на действия других агентов или на изменения среды. Как-то так, во всяком случае, в теории.

Киреев А.А.: Говорить об упорядоченном механизме связи изучаемого региона с регионами выше- и нижележащего уровня можно только при условии, если все эти регионы являются системами из одной иерархии. В этом случае их связь может иметь форму обмена, интенсивность которого будет варьировать от "интеграции" до "дезинтеграции". При этом регионы несистемного типа или регионы из других системных иерархий по отношению к данной региональной системе будут играть роль среды, к которой она "адаптируется". Формы этой адаптации многообразны: они могут быть направлены на структурирование или дезорганизацию среды как мирным, так и конфликтным путем.

Кузнецов А.М.: Общего механизма подобного рода не существует, а адаптация, интеграция или конфликт характеризуют реальное состояние таких связей.

8) Каковы движущие силы региональной динамики? Какие факторы обуславливают преобладающую – циклическую, линейную, нелинейную – форму этой динамики?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что говорить о единой региональной динамике (для всех регионов) достаточно сложно. Динамика регионов зависит от многих факторов, в том числе от особенностей самого региона. Как было отмечено выше, преобладающими здесь выступают гуманитарные факторы. В их число включаются наличие деятелей науки и искусства, способных сформулировать региональный дискурс, привлекательный для подавляющего большинства населения, наличие СМИ и значимых артикуляторов в новых медиа, способных этот дискурс транслировать, уровень мобилизации населения, наличие политических артикуляторов интересов регионального сообщества, сформулированного в пространстве науки и искусства.

Демьяненко А.Н.: Опять-таки, если речь идет о сложных социальных пространственных системах, то их динамика имеет, как правило (но не исключительно), нелинейную форму. То есть изменение свойств или поведенческого паттерна одного из элементов или подсистем, может вызвать цепную и несоизмеримую по масштабам реакцию во всей системе в целом. В свою очередь, нелинейная динамика делает поведение пространственных социальных систем трудно предсказуемым.

Но вряд ли стоит сводить все к нелинейной форме динамики. Дело в том, что никто не отменял влияния на региональную динамику циклических процессов, происходящих не только в обществе (в экономике, в частности), но и в природе. Это касается пространственных систем любого таксономического уровня: от глобального до локального. И если в научном сообществе много и со вкусом говорят о последствиях для общества глобальных изменений климата, то есть циклических процессов в природе, то исследований влияния природных и экономических циклических процессов на региональную динамику на субнациональном, а тем более локальном уровне, явно недостаточно.

Киреев А.А.: Вряд ли у региональной, социально-географической, динамики есть драйверы, принципиально отличные от движущих сил динамики общественной. От последней она отличается, скорее, специфическими физико-географическими ограничителями. Формы же динамики связаны с мерой сложности объекта. Регулярные, упорядоченные циклическая и линейная динамики, а тем более свехупорядоченная нелинейная динамика, могут быть свойственны только высокоорганизованным регионам-системам. Для несистемных (скажем, пионерных) регионов, не обладающих устойчивостью и самодостаточностью, характерна внешне и многосторонне обусловленная колебательная динамика, иррегулярные флуктуации, не ориентированные на какое-либо равновесие.

Кузнецов А.М.: Факторы региональной динамики могут быть различными в зависимости от обстоятельств, как внутренних (экономических, политических, социальных), так и внешних.

9) В какой степени формирование и развитие регионов может быть управляемым? Каковы ведущие субъекты и инструменты конструирования регионов?

Бляхер Л.Е.: Безусловно, политические и административные факторы (наличие силового контроля над артикуляторами, механизм строительства дорожной и коммуникативной сети, жилищного строительства и т.д.) оказывают влияние на формирование региона. Яркий пример – искусственно сконструированный объект "Еврейская автономная область" сегодня обладает вполне выделенными и отличными от других региональных образований интересами. Однако такое влияние эффективно только в том случае, когда признается местным сообществом, *ородняется* им. В противном случае возникают различные имитационные формы, требующие отдельного изучения. Как отмечалось выше, инструментами формирования и развития (неопределенный термин) выступают СМИ и новые медиа, транслирующие или способные транслировать региональный дискурс, агенты, способные его сформулировать.

Демьяненко А.Н.: Если "регион" – это синоним единицы административно-территориального деления, то таковые управляемы. Если речь идет о сложных пространственных системах, то здесь на первый план выходят механизмы самоорганизации.

Киреев А.А.: Как правило, регионы управляются их наименованием, концептуализацией, и шире – дискурсивными практиками. Физическое реструктурирование (не говоря уже о строительстве) региона – это крайне долгий, затратный и труднопредсказуемый по своим последствиям процесс, требующий мощных ресурсных, ценностных и институциональных инструментов, доступных только очень богатым или тоталитарным обществам. Большая же часть актов т.н. регионального строительства и управления осуществляется в "коротком времени" медийной политики и направлена на решение тактических задач – путем создания и трансляции пространственных образов (АТР, ИТР, "Один пояс и один путь") мобилизовать или успокоить население, сплотить союзников и изолировать врагов.

Кузнецов А.М.: Этот процесс может быть управляемым, если принимаемые органами власти разных уровней решения соответствуют реальным условиям. Если эти органы власти имеют четкое понимание целей, которых они пытаются достичь.

Ярулин И.Ф.: Еще не сложилось никакого института регулирования, даже кооперации между различными субъектами Российской Федерации. Даже этот первичный уровень, который является этапом на пути к серьезной постановке вопроса о региональном развитии, еще нами не освоен. На этом фоне правительство ставит вопрос о федеральной региональной политике, и есть основания полагать, что она будет пониматься как политика по отношению к различным субъектам РФ. Реализации этой политики способствовало бы преодоление неопределенности содержания понятия "регион". Рассмотрение понятия "регион" как мощного, но только одного из возможных инструментов системного развития территории сейчас наиболее востребовано. Сторонники наиболее распространенного подхода, ссылаясь на Конституцию РФ, утверждают, что регион – это нынешний субъект федерации. Когда в России мы говорим "регион", мы практически всегда имеем в виду некий субъект РФ. Тогда правомерно задать вопрос: не является ли это умножением сущности без надобности, а также на каком основании, в каких целях и с какими намерениями мы сегодня отождествляем вопросы, связанные с административно-территориальной единицей, с вопросами регионального развития. Отсутствие необходимых различий между административно-территориальной единицей (например, субъектом федерации) и регионом начинает играть против нас. Так, когда мы говорим о союзах и объединениях субъектов РФ (известные ассоциации "Дальний Восток и Забайкалье", "Большая Волга", Сибирское соглашение" и др.), то сразу же начинаем называть их межрегиональными. Но если оценить их деятельность с точки зрения регионального развития, то мы увидим, что ни одна из них не была ориентирована на экстерриториальные

задачи, развитие совместных проектов, что ассоциации не выполнили ни одну из тех задач, которые были декларированы публично. Деятельность подобного рода образований не привела к тому, чтобы действительно сложились новые связи, создались предпосылки для появления новых регионов в смысле сближения нескольких административно-территориальных образований или их частей. Более того, не сложился устойчивый регион, имеющий общие экономические, культурные, образовательные, человеческие и какие-либо иные ресурсы. Поэтому предлагаемая концепция нового деления территории РФ на 14 макрорегионов справедливо вызывает, мягко говоря, настороженность.

10) Какие типологические различия регионов вы считаете важнейшими?

Бляхер Л.Е.: Представляется, что наиболее значимыми являются два различия. Первое – по уровню сформированности региона. Здесь можно выделить: псевдорегион (симулякр, пример: "Дальний Восток"), регион с формирующимся сообществом и региональным дискурсом (пример – Приамурье, Приморье), сформированный регион (пока в РФ – это только этнические регионы: Татарстан, Якутия, Чечня). Второй параметр различия: внутренние и фронтальные регионы. Остальные характеристики задают местные особенности, но не типологию.

Демьяненко А.Н.: Полагаю, что есть два основных типа. Есть природные пространственные системы, и есть социальные (общественные) системы. Естественно, что в чистом виде ни те, ни другие не встречаются, как правило, имеет место взаимопроникновение.

Киреев А.А.: В российском контексте особенно важным представляется различие номинального (административно-территориального) деления национального пространства и основанных на нем различных пространственных фикций, и его фактической региональной организации. Было бы полезным произвести эмпирическую типологизацию (кластеризацию) фактических регионов РФ – от наиболее зрелых и самодостаточных ядерных регионов-систем до только формирующихся, слабоструктурированных проторегионов-ареалов на периферии российского пространства.

Кузнецов А.М.: Регионы следует различать, прежде всего, по уровню самодостаточности или включенности во взаимодействие с другими регионами.

Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования.

Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: problems of conceptualization, identification and construction.

Для цитирования: Бляхер Л. Е., Демьяненко А. Н., Киреев А. А., Кузнецов А. М., Ярулин И. Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/67-76

For citation: Bliakher L. E., Dem'yanenko A. N., Kireev A. A., Kuznetsov A. M., Yarulin I. F. Region: problems of conceptualization, identification and construction // Ojkumena. Regional researches. 2021. № 1. P. 67–76. DOI: 10.24866/1998-6785/2021-1/67-76

